

На правах рукописи

Бритвина

Бритвина Ирина Борисовна

**ГЕНДЕРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ
МИГРАНТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

22.00.06 – социология культуры, духовной жизни

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Екатеринбург – 2006

Работа выполнена на кафедре прикладной социологии Уральского
государственного университета им. А.М. Горького

Научный консультант

доктор философских наук, профессор
А.В. Меренков

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
В.В. Амелин

доктор социологических наук, профессор
Н.Л. Захаров

доктор социологических наук, профессор
Л.Л. Рыбцова

Ведущая организация

Институт философии и права Уральского
Отделения Российской Академии наук

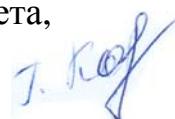
Защита состоится ... октября 2006 г. в ... час. на заседании
диссертационного совета Д 212.286.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора социологических наук при ГОУ ВПО «Уральском
государственном университете им. А.М. Горького» по адресу: 620083 г.
Екатеринбург, пр. Ленина, д.51, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского
государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан « » сентября 2006 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,

доктор философских наук, профессор

Г.Б. Кораблева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Миграция последнее столетие превратилась в значимый фактор социальных изменений. Глобальность миграционных процессов вызывает необходимость их изучения. Численность международных мигрантов, т.е. людей живущих вне страны своего происхождения, возросла с 75 млн. в 1965 г. до 140 млн. в начале XXI в.

Изучение миграционных потоков для ряда стран имеет особую актуальность. Современный вектор миграции направлен от менее развитых стран к более развитым. В результате этот фактор сильнее воздействует именно на развитые страны, негативно влияя на социальные отношения, культуру и национальную идентичность этих государств. Актуальность изучения миграционных процессов связана и с их внутренними особенностями, с увеличением доли насильственных, вынужденных миграций, причины, способы, последствия и адаптационные особенности которых, существенно отличаются от привычных экономических и трудовых миграций. По данным ООН, сейчас в мире насчитывается 21,6 млн. беженцев, и пятая часть из них проживает в России.

Сама миграционная ситуация на постсоветском пространстве в конце XX в. диктует необходимость пристального внимания к ней и тщательного научного анализа. Проблема беженцев в России и СНГ признана одной из острых мировых проблем. Миграционные потоки на обозначенном пространстве были столь масштабны, что до сих пор продолжают определять некоторые стороны социального развития этих стран, отвлекая на себя серьёзные материальные ресурсы, вынуждая правительства стран особо заниматься миграционной политикой.

Трансформация российского общества требует полного и серьёзного изучения всех факторов, её обуславливающих. Миграционные процессы в конце XX в. в целом, и вынужденная миграция, в частности, без сомнения могут быть поставлены в один ряд с другими подобными по масштабам обстоятельствами.

Актуальность исследования связана не только с необходимостью изучения негативных последствий потоков вынужденной миграции, но и с позитивностью этих процессов, с той положительной ролью, которую они играют в пополнении демографического потенциала страны, трудовых ресурсов государства, решении проблемы высококвалифицированных и образованных кадров, притока населения в сельскую местность и т.д. В среднем за 1990-е гг. внешняя для России миграция смогла наполовину компенсировать естественную убыль населения. Кроме того, возвращение представителей этноса на свою историческую родину во всех странах считается благоприятным обстоятельством, позитивно влияющим на жизнедеятельность нации.

Несмотря на активную миграционную политику в конце XX в., Россия, как и все страны СНГ, только начинает осознавать её плюсы и минусы, недостатки и просчёты политических решений в этом направлении

становятся видными только сейчас. Анализ социальных потерь и приобретений в результате вынужденных миграций ещё только предстоит сделать.

Обилие цифрового материала, большое количество научных публикаций и материалов СМИ по миграционным проблемам не позволило ещё выявить и изучить тенденции таких изменений. Кроме того, некоторые реальные характеристики вынужденных миграций продолжают оставаться малоизученными, что так же обуславливает актуальность изучения миграционных процессов. В течение 90-х гг. XX в. государство так и не выработало действенного механизма реального учёта всех въезжающих. Доказательством этого является повышенное внимание Парламента и Правительства России к миграционным проблемам. Озабоченность адаптацией мигрантов выражают сегодня и Правительства многих европейских стран (Франция, Англия, Германия и др.) и США.

Актуальность исследования связана и с отсутствием в научной литературе разработанной системы детерминации поведения вынужденных мигрантов. Нарастание масштабов мигрантофобии в России и других странах, тот факт, что далеко не все русскоязычные в 1990-е гг. захотели переселиться в Россию из стран ближнего зарубежья, показывают недостаточность изучения мотивации миграционного поведения, понимания проблем адаптации переселенцев. Особенно малоизученной остается личность самого мигранта, социальные характеристики мигрантских сообществ.

В этом же ключе можно рассматривать и актуальность изучения гендерных детерминант вынужденной миграции. Внимание к этой стороне миграционных процессов позволяет, по нашему мнению, точнее понять их особенности, способствовать на государственном уровне поиску новых решений проблем адаптации переселенцев в нашей стране, а таким образом, и решению демографической и других проблем современного этапа развития России.

В результате резких социальных трансформаций в нашей стране на протяжении XX века сформировалась новая социокультурная реальность, что было в частности связано с некоторыми изменениями гендерных взаимоотношений. С этой точки зрения необходимость изучения миграции, как и других социальных процессов, с позиций гендерного подхода не вызывает сомнения.

Таким образом, изучение любых аспектов вынужденной миграции является особо актуальным.

Степень научной разработанности проблемы.

Представители западной науки во второй половине XX в. внесли довольно большой вклад в изучение общих проблем миграции. М. Байд, Т. Буш, П. ДиМаджио, Х. Злотник, Н. Кибриа, Д. Массей, М. Миллс, К. Ньюман, О'Коннор, А. Портес и Дж. Сенсебреннер, О. Старк, М. Тьенда, С. Таколи, М. Тодаро и мн. др. выявили основные характеристики миграции как социокультурного процесса.

Методологические проблемы анализа миграционных процессов в нашей стране в советский период освещали Ж.А. Зайончковская, В.М. Моисеенко, В.И. Переведенцев. В.Н. Чапек и др.

Большой вклад в изучение сущности и видов миграционных перемещений внесли демографы, экономисты и специалисты в сфере географии. Среди современных авторов следует отметить Н.В. Алисова, С.К. Бодыреву, В.А. Борисова, А.Я. Боярского, В.И. Бутова, Д.И. Валентей, В.А. Копылова, А.Я. Квашу, Д.В. Колесова, В.С. Хореева и др.

В связи с серьёзными изменениями сущности и масштабов миграции в 90-е гг. ХХ века, наблюдается новый всплеск интереса российских учёных к этой проблематике. Социально-политические особенности миграционных процессов изучали Г.Г. Гольдин, Г.Ф. Морозова, А.Г. Осипов, Т.М. Регент, Л.Л. Рыбаковский, А.Х. Попова и др.

Взаимосвязь миграционных процессов с преобразованиями в различных сферах жизни общества исследовали В.Д. Войнова, Р.А. Варданян, Т.В. Герасимова, Г.А. Железнова, Г.Ф. Морозова, С.В. Соболева, А.В. Топилин и др.

Причины и особенности вынужденных миграций на постсоветском пространстве освещали: В.С. Айрапетов, Ю.В. Арутюнян, И.М. Бадыштова, В.Р. Беленький, Г.С. Витковская, О.М. Воробьёва, Ж.А. Зайончковская, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Иванов, Н.П. Космарская, Н.М. Лебедева, Н.В. Мкртчян, В.М. Моисеенко, Т.М. Регент, В.В. Степанов, Ж.Т. Тощенко, Е.И. Филиппова, О.С. Чудиновских, Т.Н. Юдина и мн. др.

Положение русскоязычных в бывших республиках СССР изучали А.С. Алексеенко, В.В. Волков, Г.С. Витковская, А.М. Искандарян, А.Б. Дзадзиев, Н.В. Мкртчян, С.В. Рязанцев, В.С. Сергиенко, Е.Ю. Садовская и др.

Проблемы взаимоотношений коренных россиян и мигрантов анализировали следующие авторы: В.В. Амелин, С.С. Артоболевский, С.В. Баранова, Ю.П. Дошицын, Л.М. Дубовый, Л.В. Кутепова, Н.Н. Лапин, В.И. Мукомель, А.И. Спицын и др.

В работах последнего десятилетия значительное место также было уделено проблеме социокультурной адаптации переселенцев в иноэтнической среде. Этую проблематику плодотворно изучали В.В. Амелин, И.М. Бадыштова, С.В. Баранова, В.В. Гриценко, Л.М. Дубовый, В.Б. Евтух, Г.Е. Зборовский, Е.А. Мельник, Е.А. Назарова, Г.У. Солдатова, А.И. Спицын, Е.И. Филиппова и мн. др.

Однако в отечественной социологии недостаточно изучены общие и специфические закономерности, определяющие миграцию в целом, и миграционные процессы на постсоветском пространстве. Между тем Россия сталкивается с проблемой значительных миграционных вливаний иноязычных народов в состав её населения, что требует расширения исследований данной проблематики. Существующие противоречия в трактовке основных факторов, вызывающих миграционные процессы не позволяют выявить сущность происходящего, а соответственно, прогнозировать дальнейшие изменения в объемах миграции, способах

адаптации мигрантов к новым условиям жизни в различных регионах нашей страны. Россия оказалась ни в социально-экономическом, ни в социокультурном плане не готовой к миллионному притоку русскоязычных граждан на свою территорию после распада СССР. В связи с этим возрастает актуальность выявления основных детерминант, вызывающих миграцию в Россию, и определяющих гендерные особенности адаптации переселенцев к конкретным социально-экономическим условиям проживания в различных регионах нашей страны.

В XX веке большой вклад в изучение проблемы социального детерминизма внесла западная психология: А. Маслоу, Ф. Герцберг, К. Адельфельд и др.

Отечественная философия и социология во второй половине XX века также сделала значительный вклад в изучение социальной детерминации, уточнив содержание таких понятий, как потребности, интересы, ценностные ориентации, установки. Следует выделить труды по данному вопросу Я.Ф. Аскина, А.Г. Здравомыслова, Н.В. Иванчука, Б.М. Кедрова, А.В. Маргулиса, С.Т. Мелюхина, А.В. Меренкова, В.В. Орлова, В.И. Плотникова, В.В. Радаева, М.Н. Руткевича, В.И. Столярова, Л.П. Туркина и др.

В 1990-е гг., когда потоки переселенцев из стран ближнего зарубежья «хлынули» в Россию, изучение детерминации поведения вынужденных мигрантов в отечественной науке свелось лишь к анализу причин миграции, и в первую очередь к описанию обострения бытового и государственного национализма в «странах исхода». Изучение факторов, детерминирующих миграционное поведение, в целом требует более полного и системного выявления всей совокупности социально-экономических и социокультурных процессов, вызывающих вынужденный переезд людей из одной страны в другую. В настоящее время также мало исследована детерминация адаптационных процессов мигрантов. Практически не изучена проблема детерминации миграционного поведения половозрастных и других социальных групп.

Гендерный подход в сочетании с теорией детерминизма позволяет более плодотворно проанализировать адаптацию вынужденных мигрантов, т.к. мужчины и женщины используют разные стратегии адаптации, что влияет на её результативность. Кроме того, гендерный анализ отличает от других подходов интерес к проблемам социальных различий мужчин и женщин на институциональном уровне, а также интерес к факторам, влияющим на эти различия. Таким образом, изучение факторов, детерминирующих миграционные процессы с учетом гендерной специфики, позволяет существенно расширить и углубить представление о тех закономерностях, которые характеризуют вынужденную смену места жительства больших групп людей, и выработать более эффективную миграционную политику в России.

В XX в. в западных исследованиях начинается преодоление биологизаторских взглядов на сущность гендера. Новое понимание и объяснение этого подхода даётся в работах П. Бергера, Г. Гарфинкеля, И.

Гоффмана, Д. Зиммермана, Д. Карен, Т. Лукмана, М. Мид, Г. Рабина, А. Рич, У. Роды, Дж. Скотта, К. Хорни и др. Определённую роль сыграли представительницы феминистского движения: Л. Бирке, Дж. Митчелл, Э. Оукли, К. Миллет и др.

В работах российских социологов конца XX - нач. XXI в.в. также активно изучается гендерная проблематика: Н.И. Абубикрова, О.В. Воронина, С.И. Голод, А.Г. Здравомыслова, Л.Л. Рыбцова, Г.Г. Силласте, А.А. Тёмкина и др. Большинство работ отечественных авторов, в которых применяется гендерный анализ, посвящены в первую очередь различным аспектам жизнедеятельности женщин. Это работы О.А. Ворониной, Н.К. Захаровой, И.Е. Калабихиной, Т.А. Клименковой, М.М. Малышевой, А.И. Посадской, Л.С. Ржаницыной, Н.М. Римашевской, Л.Л. Рыбцовой, Г.Г. Силласте, А.А. Тёмкиной, В.И. Успенской и др. Но некоторые учёные обращаются и к анализу мужской социальной роли. Это такие исследователи как, например, А.С. Волович, Т.А. Гурко, А.В. Меренков, О.А Шабурова, Р.Г. Фасхиев и др.

В зарубежной социологии о гендерных особенностях миграции в 1990-е гг. писали: P. Boyle и K. Halfacree, Buang, S. Curran, S. Chant, McIlwaine, K. Wright, Sh. Walker и др.

В России анализ гендерных аспектов миграционных процессов, в частности, женской миграции – новая исследовательская область. Специальных исследований по этим вопросам до недавнего времени не проводилось ни в контексте миграционной проблематики, ни в контексте феминизма.

Если говорить о гендерной проблематике изучения именно вынужденной миграции в конце XX в., то в первую очередь нужно упомянуть плодотворную работу исследователей Г.С. Витковской, В.В. Гриценко, А.Н. Каменского, М.В. Киблицкой, Н. П. Космарской и некоторых других. Но, несмотря на то, что гендерная проблематика в изучении миграционных проблем просматривается в отечественной науке на протяжении последнего десятилетия, до сих пор большинство работ на эту тему посвящены анализу, прежде всего, женских проблем. Необходимо анализировать особенности адаптации, как женщин, так и мужчин-мигрантов.

Особо нужно сказать о специфике миграционных перемещений на постсоветском пространстве, об особенностях потоков вынужденной миграции из стран ближнего зарубежья в Россию, которая не имеет аналогов в мире. Эта проблематика не полно отражена в отечественной литературе. В силу специфики этого явления, а так же в силу глубоких и всесторонних последствий для нашей страны, вынужденная миграция, факторы её детерминирующие, должны быть подвергнуты всестороннему изучению. Положительные и отрицательные последствия этого процесса ещё далеко не достаточно изучены и осознаны.

Таким образом, наряду с остро выраженной практической потребностью разрешения проблем адаптации вынужденных переселенцев на территории нашей страны, существует необходимость глубоко социологического анализа содержания и основных противоречий системы гендерной детерминации

вынужденной миграции в современной России и способов адаптации различных социальных общностей к новым социокультурным условиям жизни.

Цель исследования: изучить систему противоречий, детерминирующих гендерные различия в миграционных и адаптационных процессах в современной России.

Достижение указанной цели предполагает постановку и решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

- 1.Обосновать возможность и необходимость применения детерминационного подхода в анализе миграционных процессов.
2. Изучить общее и особенное в миграционных процессах.
- 3.Раскрыть сущностные характеристики вынужденной миграции в настоящее время.
4. Выявить факторы, детерминирующие принятие социальными субъектами решения о миграции.
- 5.Проанализировать особенности трёх субъектов миграционного взаимодействия: принимающего, вытесняющего сообщества и самой мигрирующей группы.
- 6.Рассмотреть факторы, детерминирующие гендерные особенности адаптации мигрантов в стране предназначения.
7. Изучить соотношение внешних и внутренних факторов, детерминирующих миграционное поведение гендерных общностей.
- 8.Проанализировать гендерные особенности проявления внешних и внутренних факторов детерминации миграционных процессов в постсоветской России.
- 9.Изучить особенности адаптации мужчин и женщин-мигрантов в местах нового поселения.
10. Выявить общее и особенное в социальных механизмах, определяющих адаптацию женщин и мужчин в стране предназначения.

Объект исследования:

Гендерные особенности детерминации миграции и адаптации вынужденных переселенцев в современной России.

Предмет исследования:

Основные противоречия системы детерминации гендерных особенностей вынужденной миграции в настоящее время в России.

Методологическая и теоретическая база исследования.

Методологическими основаниями нашего исследования являются: теория детерминизма, которая нацеливает изучать миграционные перемещения во взаимосвязи с другими общественными процессами, устанавливать причинно-следственную связь и взаимозависимость явлений и процессов

общественной жизни; системный подход изучения общественных явлений, социокультурный, междисциплинарный подход и гендерный анализ. Парадигма, в рамках которой мы анализировали систему детерминации миграционных процессов, характеризуется сочетанием общефилософского, социально-антропологического и социологического подходов при анализе сущности, направленности и противоречий современных миграционных процессов. Так же мы опирались на методологические положения структурного функционализма и использовали «иерархическую теорию потребностей» А. Маслоу.

Теоретической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных социологов, демографов, культурологов, философов, психологов, посвящённые анализу миграционных проблем. Для понимания сути миграционного перемещения использовалась теория Л.Л. Рыбаковского о трёх стадиях миграционного процесса. Так же мы опирались на концептуальные положения зарубежных и отечественных авторов, раскрывающих сущность социальных стереотипов, которые регулируют гендерное поведение мигрирующих групп. Для более глубокого понимания особенностей формирования мотивов, специфики и техники перемещения мигрирующей группы мы опирались на положения «сетевой теории» миграции, а также на концепцию «культурной вложенности» миграционных процессов Ди Маджио.

В качестве **эмпирической базы** исследования были использованы статистические данные, опубликованные в сборниках Госкомстата России, данные органов государственной статистики Курганской области по миграционным проблемам, итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, официальные данные Федеральной миграционной службы (ФМС) и её региональных отделений, законодательные акты федерального и регионального уровней, документы периодической печати, результаты исследований российских учёных по проблемам миграции.

Использовались результаты конкретных социологических исследований, проведённых автором:

1. В 2002 г. был проведен опрос 62 женщин-мигрантов, поселившихся в Шадринске методом глубинного полуструктурированного интервью. Также методом глубинного интервью были опрошены 11 человек – чиновники миграционной службы и муниципальных образований.

2. В 2003-2004 гг. в Шадринске был опрошен 361 вынужденный мигрант из стран СНГ и Балтии. Опрос мигрантов осуществлялся по случайной выборке.

3. Анкетный опрос 930 жителей г. Шадринска (2004 г). Выборка квотная по полу, возрасту и типу занятости.

Научная новизна исследования:

- Исследованы особенности и основные противоречия гендерной детерминации адаптации вынужденных мигрантов к новой социально-экономической и социокультурной ситуации в постсоветской России.

- Определена сущность миграции, понимаемая как процесс и результат противоречивого, конфликтного социального взаимодействия отпускающей, принимающей общностей и субъектов перемещения.

- Дано характеристика вынужденной миграции как особой разновидности стрессовых перемещений больших масс людей, вызванных социально-экономическим, социокультурным давлением вытесняющей общности на часть населения конкретного региона, страны и проблемами адаптации в новом месте поселения.

- Определено, что к вынужденным мигрантам из стран ближнего зарубежья относятся переселенцы, как правило, некоренной для «страны исхода» национальности, которым приходится в результате совокупности вытесняющих факторов изменить привычный образ жизни в «стране исхода» («вытесняющая общность») на другой в «стране предназначения» («принимающая общность»)

- Выявлена система факторов, детерминирующих вынужденную миграцию на территорию России в конце XX века. Внешней необходимостью выступает создание вытесняющей общностью неприемлемых для сохранения и развития конкретных социальных групп и индивидов условий повседневной жизнедеятельности. Внутренней необходимостью является инстинкт самосохранения, формирующий потребность в активных действиях, направленных на воспроизведение приемлемых для социальных субъектов условий существования. Специфика интересов вынужденных мигрантов заключается в поиске той общности, которая может создать наиболее благоприятные возможности для жизнедеятельности мигрантов и членов их семей.

- Проанализирована гендерная специфика мотивов вынужденной миграции, заключающаяся в том, что мужчины в первую очередь интересуются возможностями принимающей общности обеспечить приемлемые для них материальные условия жизнедеятельности. Женщины-мигранты руководствуются, в основном, потребностью в получении желаемых для всей семьи условий трудовой и бытовой деятельности.

- Доказано, что основными внешними факторами, обуславливающими поведение субъектов вынужденной миграции 1990-х гг., и имевших место как в вытесняющих общностях, так и в принимающих, являются: новая геополитическая ситуация на территории бывшего Советского Союза, более резкое падение уровня жизни в странах исхода, противоречивая миграционная политика, этническая дискриминация в стране исхода, позитивные изменения в экономической ситуации в стране прибытия мигрантов, степень гарантированности прав мигрантов в ней.

- Выявлена ведущая роль гендерных стереотипов при осуществлении миграции из одной страны в другую. Женщины руководствуются особыми

стереотипами отношения к вытесняющей общности, которые основываются на переживании страха за свою жизнь и существование других членов семьи. Окружающие воспринимаются как враждебно настроенные, создающие угрозу для существования ближайшего окружения женщины.

- Доказано, что мужскими стереотипами восприятия вытесняющей общности является выделение негативных характеристик тех конкретных условий труда, уровня его оплаты, которые возникают у представителей данного гендеря.

- Выделены и исследованы основные противоречия в миграционных ориентациях и установках по отношению к принимающей общности в зависимости от гендерного фактора. Женщины ожидают безусловного улучшения условий жизнедеятельности всех членов семьи в результате смены места жительства, несмотря на возможное ухудшение условий труда, отсутствие работы по специальности. Мужчины ожидают восстановление прежних и даже возможно более благоприятных условий труда, высоких заработков, соответствия новой работы специальности.

- Впервые выделены основные этапы адаптации вынужденных мигрантов, проанализированы их особенности. Предадаптация начинается в стране исхода, когда формируются мотивы перемещения, начинается сбор информации об образе жизни принимающего сообщества, актуализируются связи и знакомства в принимающей группе, происходит выбор места и механизма миграции. Адаптация во время перемещения связана с первыми попытками интеграции с новым сообществом. Стадия первичной адаптации продолжается от полугода до двух лет. Этот этап характеризуется активным взаимодействием с членами мигрантского сообщества по совместному поиску адекватных реальности стратегий и тактик адаптации, результат разрешения которого может привести и к вторичной миграции. Стадия вторичной адаптации может длиться до 5-7 лет. Переход на эту стадию означает успех в аккультурации, что резко снижает вероятность возвращения в страну исхода.

- Обоснована более высокая эффективность и результативность женских стратегий миграционного поведения по сравнению с мигрантами-мужчинами. Это связано с тем, что женщины, используя особые гендерные стратегии, менее болезненно реагируют на снижение социального статуса, смены профессии, места работы и испытывают большее удовлетворение от результатов миграции.

- Выделены и проанализированы основные трудности в системе адаптации вынужденных мигрантов: неопределенность результатов, состояние постоянного стресса, проблема поиска эффективных стратегий и тактик адаптации; необходимость одновременной и многоуровневой адаптации русскоязычных в разрезе «страна исхода – страна предназначения»; столкновение различных этнических интересов и стереотипов в процессе адаптации; разрушение прежней идентичности и необходимость приобретения новой; разное содержание адаптации в трудовой, бытовой сферах; противоречивость Российской миграционной политики.

- Выявлены устойчивые типы гендерного взаимодействия принимающей и мигрирующей общинностей, среди которых стабильным недоверием характеризуется тип взаимодействия «женщина-россиянка – мужчина-мигрант». У женщин не проявляется сочувствия к ним и стремления помочь, отмечается выраженное чувство страха. Тип взаимодействия «женщина-россиянка – женщина-мигрант» может быть определён как оптимальный тип доверия и солидарности. Мужчины-россияне с определенным недоверием относятся к мужчинам мигрантам и безразлично к женщинам - мигрантам.

- На основе теоретических и эмпирических исследований автор предлагает конкретные меры по совершенствованию миграционной политики в современной России.

Практическая значимость работы.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки теоретических курсов в рамках социологии, демографии, социальной психологии, новейшей истории, для разработки научных прогнозов развития миграционных процессов, совершенствования миграционной политики государства. Практические рекомендации, выработанные на основе материалов диссертации, могут использоваться муниципальными и федеральными государственными структурами при прогнозировании и регулировании процессов вынужденной миграции в различных регионах страны, более плодотворно заниматься проблемами адаптации переселенцев, разрабатывать мероприятия по привлечению русскоязычных из стран ближнего зарубежья на территорию России, решать проблемы интолерантности и мигрантофобии. Полученные результаты исследования могут применяться для разработки программ социального планирования и прогнозирования развития, как отдельных населённых пунктов, так и областей, регионов.

Научно-практическая апробация диссертационной работы. Основные положения диссертации излагались автором в докладах на 12 научных конференциях, в том числе: Региональная научно-практическая конференция «Русский язык, литература и культура: проблемы сохранения и развития» (Шадринск, 20 ноября 2001); Межрегиональная научно-практическая конференция «Формирование мировоззренческих позиций молодёжи в современных условиях» (Шадринск, 10 апреля 2003); Международная научно-практическая конференция «Снежинск и наука – 2003: Современные проблемы атомной науки и техники» (Снежинск, 9-14 июня 2003); Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы модернизации высшего педагогического образования» (Шадринск, 22 октября 2004); Научная конференция студентов ВУЗов Урала «Молодёжь и будущее атомной промышленности России» (Снежинск, 17-18 декабря 2004); Всероссийская научно-практическая конференция «XV Уральские социологические чтения. Возрождение России: общество – управление – образование – культура – молодёжь» (Екатеринбург, 17 марта 2005);

Международная научно-практическая конференция «Культура провинции» (Курган, 22-24 апреля 2005); Международная научно-практическая конференция «Экстремизм как социальный феномен» Курган, 1-2 декабря 2005); III региональная научно-практическая конференция «Зыряновские чтения - 2005» (Курган, 23-24 ноября 2005); Межрегиональная научно-практическая конференция «Емельяновские чтения» (Курган, 19-20 апреля 2006); Международная конференция “Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л.Н. Когана (23-24 марта 2006); Международная научно-практическая конференция «Трансфер технологий, инновации, современные проблемы атомной отрасли» (Снежинск, 4-5 июня 2006). Заочное участие диссертант принял в научных конференциях, которые состоялись в таких городах как Пенза, Казань, Оренбург, Новомосковск и др.

Основные результаты исследования нашли отражение в 32 публикациях, общим объёмом 36,4 п.л.

Объём и структура диссертации.

Содержание диссертации изложено на 353 стр., состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 210 источников, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность и степень разработанности темы исследования, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, представлены формы апробации и внедрения результатов исследования.

В первой главе диссертации «Методология анализа основных факторов, определяющих миграционное поведение» дана характеристика вынужденных миграций, проанализированы факторы, детерминирующие миграционное поведение, выделен гендерный аспект в анализе миграционных процессов.

В параграфе 1.1 «Сущность и особенности миграционных процессов в современной России» дана характеристика различных методологических подходов к анализу миграции.

Миграцию диссертант понимает как процесс и результат социального взаимодействия всех субъектов перемещения, содержание которого связано не только с фактом перемещения, но и с социальными изменениями всех сторон жизнедеятельности субъектов, участвующих в этом процессе: отпускающей, принимающей общности и мигрирующей группы.

Диссертант показывает, что вынужденная миграция на территорию России из стран ближнего зарубежья обладает специфическими особенностями по сравнению с другими видами миграционных перемещений. К ним можно отнести особые мотивы миграции, связанные с действиями вытесняющей общности; появление трёх потоков иммигрантов (переселенцы из стран ближнего зарубежья, из стран дальнего зарубежья и «внутренние перемещённые лица»); территориальную всеохватность их расселения в

России; вынужденный повышенный приток переселенцев в сельскую местность; специфику стран-поставщиков вынужденных мигрантов в Россию, которая определяет то, что, беженцы вынуждены менять не только государственность, но и этническое окружение, климатические условия, зачастую уровень жизни, социальные условия, переезжать из привычных городских условий в сельские или из крупного столичного города – в малый.

Специфичными являются социальные и демографические характеристики группы вынужденных переселенцев из стран СНГ и Балтии. Большинство мигрантов – этнические русские (до 70-80%), причём национальность мигрантов в большинстве своём не совпадает с регионом их выезда. В составе вынужденных мигрантов больше детей, заметно больше пожилых и, соответственно, меньше трудоспособных, т.е. в вынужденную миграцию вовлекается вся семья, а не только наиболее дееспособные её члены, как это бывает обычно. Из бывших республик СССР в Россию прибывало в 1990-е годы высокообразованное, квалифицированное население, в котором доля лиц с высшим и средним специальным образованием заметно превосходила таковую в населении нашей страны.

Автор показывает, что важнейшей характеристикой этого потока является деление на официальных (зарегистрированных в ФМС) мигрантов, получивших статус беженцев и вынужденных переселенцев, и не официальных мигрантов, по своей воле или насилию не получивших статуса, а значит и государственной помощи.

Особенности вынужденных миграций на территорию России связаны и со специфическими причинами переезда. Государственные миграционные органы выделяют вынужденные, добровольные и насильтственные перемещения. Такой подход позволяет обратить внимание на личность самого мигранта, на мотивы перемещения. С этой точки зрения некоторые российские авторы относят вынужденные и насильтственные миграции к стрессовым перемещениям, причины которых имеют внешний характер по отношению к личности мигрирующего субъекта. В этом случае решение о переезде принимается под воздействием внешних обстоятельств, имеющих стрессовый характер, не подчиниться которым не возможно, когда существует реальная угроза жизни и благополучию мигранта и его семьи. Вынужденная миграция является подвидом стрессовых миграций, но отличается от них более слабой степенью вынужденности, возможностью отсрочить переезд, иногда даже на годы, а части вытесняемой группы и вообще не уезжать, адаптируясь к новым условиям в составе вытесняющего сообщества. Главной отличительной чертой вынужденных миграций является наличие вытесняющей группы, т.е. организованных и осознанных действий по вытеснению нежелательного населения, а так же более значительное влияние на адаптацию переселенцев характеристик принимающего поведения со стороны коренных жителей страны приёма.

Стressовые миграции в целом всегда связаны с угрозой благополучному существованию, которая может исходить не только от людей, но и от природно-техногенных факторов. Но вынужденные миграции так же

относятся к стрессовым по критерию непреложности, необходимости переселения, по наличию выталкивающих факторов, обойти которые не представляется возможным, что и делает процесс переселения стрессовым, так как факторы, детерминирующие миграцию имеют внешнее положение по отношению к мигрирующей группе.

Таким образом, диссертант приходит к выводу, что вынужденная миграция это подвид стрессовых миграций, которую можно вычленить по степени и особенностям проявления выталкивающих и привлекающих факторов, что выводит на первый план анализа совокупность социальных взаимодействий трёх субъектов миграционного процесса (самых мигрантов, вытесняющей и принимающей общностей), а так же по специфическим мотивам миграционного перемещения, связанным с наличием вытесняющей группы.

Добровольные не вынужденные миграции так же представляют собой взаимодействие трёх субъектов перемещения, однако, в этом случае отпускающая группа не характеризуется как вытесняющая, не проявляет вытесняющего поведения.

В социологической литературе, описывающей вынужденные миграции на постсоветском пространстве, для обозначения субъектов миграционного взаимодействия используется ряд терминов, трактовки которых различны и многовариантны. В российских законодательных актах определяется правовой статус вынужденных переселенцев и беженцев, т.к. государство работает только с теми мигрантами, которые получили официальный статус в Федеральной миграционной службе. Диссертант с сущностной точки зрения даёт определение, под которое подпадают все русскоязычные, вынужденно въехавшие на территорию России из новых постсоветских стран, имеющие официальный статус «вынужденных переселенцев» и не имеющие его. Термин «вынужденные переселенцы» имеет более узкую трактовку, чем понятие «вынужденные мигранты». Автор работы не включает в него внутри российских вынужденных мигрантов («внутренние перемещённые лица»), например, переселенцев из Чечни и Ингушетии, а так же беженцев из стран дальнего зарубежья (например, из Афганистана) и эмигрантов, уезжающих из России, хотя факт вынужденности их переезда можно признать.

Диссертант приходит к выводу, что вынужденные мигранты из стран ближнего зарубежья – это переселенцы разного пола и возраста, разного социального положения, как правило, некоренной для «страны исхода» национальности, которые вынуждены в результате совокупности вытесняющих факторов, изменить привычный образ жизни в силу смены одной социальной общности в «стране исхода» («вытесняющая») на другую социальную общность в «стране предназначения» («принимающая»), а также вступить в новые для них социальные взаимодействия с принимающей стороной (группой).

Автор диссертации останавливается и на проблеме определения таких понятий как «вытесняющая» общность и «принимающая» общность, которые практически не изучены в социологической литературе. Трудность анализа связана с тем, что с социальной точки зрения эти общности никак не

маркируются, не определяются, нет чётких критериев их фиксации на политическом уровне, на социальном или экономическом. Диссидент предлагает понятие «принимающая общность» употреблять в широком и узком смысле слова. В широком смысле к такой общности будут относиться либо все россияне, либо жители конкретного края, области или населённого пункта. В узком смысле к «принимающей общности» можно отнести только тех жителей города или края, которые непосредственно находятся в каких-либо отношениях с мигрантами, знают их, живут по соседству, работают в одном коллективе и т.д. Эту подобщность можно выделить из общего числа опрошенных, а потом подвергнуть изучению. Такой подход позволяет более предметно выявить и изучить влияние отношения россиян на адаптацию вынужденных мигрантов.

«Вытесняющую» общность нужно анализировать в таком же аспекте, но сделать это сложно и с теоретической, и с практической стороны. В рамках нашего исследования мы не обладали такими возможностями.

Кроме того, деятельность вытесняющей и принимающей группы нужно анализировать на нескольких уровнях: политический уровень, который инициирует вытеснение некоренного населения или поддерживает настроения мигрантофобии у принимающей группы; уровень региональной политики; и бытовое поведение вытесняющей и принимающей группы. Проблема состоит в том, что не все эти уровни одинаково доступны для социологического анализа.

Таким образом, вынужденная миграция на территорию России в конце ХХ – нач. ХХI вв. из стран ближнего зарубежья обладает рядом специфических черт, которые неизбежно детерминируют и специфику адаптации мигрантов в нашей стране.

В параграфе 1.2 «Система детерминации миграционного поведения» автор обосновывает тезис, что детерминация миграционных процессов подчиняется общим принципам детерминации социальных явлений. В основе детерминации поведения потенциальных и реальных мигрантов лежит диалектика соотношения природной и социальной внешней необходимости, которая преобразуется во внутреннюю необходимость личности в постоянном воспроизведстве привычных форм жизни путём выработки определённых стереотипов поведения, что помогает лучше адаптироваться в окружающей обстановке и ощущать внутренний комфорт.

Один и тот же набор неблагоприятных внешних условий даёт разное сочетание интенсивности проявления у потенциальных переселенцев факторов, детерминирующих вынужденную миграцию. Причина заключается в том, что они обладают различными социальными характеристиками, по-разному реагируют на неблагоприятные обстоятельства и выбирают, таким образом, различные стратегии разрешения возникших проблем. Поэтому социально-групповые и психологические особенности потенциальных и реальных мигрантов нельзя исключить из анализа схемы детерминации вынужденной миграции. Автор отмечает, что

ведущими в его исследовании мигрантов являются их гендерные особенности.

На основе общей теории детерминации человеческой жизнедеятельности диссертант предлагает свой анализ факторов, детерминирующих миграционные процессы в современной России. Прежде всего, выделяются *внешние и внутренние факторы*. Под внешними факторами понимаются все условия жизнедеятельности мигранта в стране исхода, воздействующие на возникновение установки на перемещение в другую страну. Под внутренними факторами – все потребности, цели, ценностные ориентации, интересы, мотивы, установки, чувства, стереотипы, личностно-психологические особенности, детерминирующие становление миграционного поведения. Следовательно, при социологическом анализе миграции требуется выявить диалектику взаимосвязи внешних и внутренних факторов, вызывающих смену места жительства индивидов и различных общностей.

Диссертант отмечает, анализ причин миграции в отечественной науке фактически сводится только к изучению неблагоприятной обстановки в стране исхода. Однако такой подход не отражает всей противоречивости детерминации миграционного поведения. Неблагоприятная обстановка по-разному влияет на представителей не титульной национальности. Причина заключается в особой роли внутренних факторов, побуждающих к миграции. Кроме того, внутренние факторы имеют свою специфику проявления и в стране предназначения – России. В процессе адаптации у мигрантов начинают формироваться новые потребности, цели, ценностные ориентации, интересы, мотивы, установки, возникают иные чувства, эмоции, связанные уже с вхождением в новое социальное сообщество, в иную культурную среду. При этом адаптация вынужденных переселенцев по-особому протекает у мужчин и женщин-мигрантов.

Линейная схема детерминационных характеристик в самом общем виде выглядит следующим образом. Внешние факторы, специфически действующие в стране исхода и в стране предназначения, преломляются через социально-групповые особенности вынужденных мигрантов, и, таким образом, дают вариативность проявления внутренних факторов, что приводит к многообразию как сценариев самого перемещения, так и адаптационных стратегий и тактик, используемых в стране предназначения.

Резкое изменение внешних привычных условий жизни в стране исхода вызывает у нетитульного населения нарушение возможностей реализации базовых потребностей, что приводит к формированию установки на поиск более благоприятных условий жизни. Потребность в восстановлении утраченного отражается в цели, побуждающей искать иное место жительства. Формируется интерес, к новым возможным районам проживания, отражающийся в сознании в виде ценностных ориентаций. В них происходит сравнение преимуществ и недостатков того или иного места жительства. Появляются мотивы миграционной деятельности, которые вызывают

определенные поступки, ведущие, в конечном счёте, к переезду в другую страну.

Само преломление объективных факторов в сознании социальных субъектов вызывает вариативность поиска той местности, проживая в которой человек, члены его семьи смогут обеспечить собственное воспроизведение и развитие.

К совокупности *внешних факторов*, обуславливающих вынужденную миграцию 1990-х гг., имевших место, как в стране исхода, так и в стране предназначения, автор диссертации относит следующие: новая geopolитическая ситуация, сложившаяся в стране; изменение социальных условий, падение уровня жизни, особенности государственной миграционной политики, этническая дискриминация, ухудшение экономической ситуации; снижение гарантии соблюдения гражданских прав, нарастание опасности физического уничтожения, проявление национализма со стороны части коренного населения.

Внутренние факторы детерминации нужно анализировать в контексте многоуровневого подхода, отдельно изучая их у принимающего и вытесняющего сообщества, а так же у самих вынужденных мигрантов, т.к. они обладают социально-групповыми особенностями, важнейшими среди которых будут гендерные характеристики и особенности их проявления.

Исследования показали, что одним из важнейших внутренних факторов является «социальный страх», особым образом детерминирующий потребности в миграции мужчин и женщин. Это стойкое чувственно-эмоциональное переживание было сформировано всей совокупностью неблагоприятных внешних обстоятельств страны исхода, детерминирующих актуализацию подсознательного чувства страха за свою жизнь, благополучие детей, семьи и т.д. Страх вызывает качественные изменения в системе ценностных ориентаций, определяющих установку на продолжение жизни в негативной обстановке страны пребывания. Усиливается отрицательная оценка всех социально-экономических и социокультурных факторов, формируя устойчивую установку на смену места жительства. У потенциальных мигрантов формируется во многом идеализированная совокупность представлений о преимуществах возможного нового места проживания.

В диссертации показана гендерная специфика переживания социального страха и тех изменений в системе целей, ценностных ориентаций, установок, которые он вызывает. Возникновение таких переживаний подчиняется закону самовозрастания до тех пор, пока не будут предприняты конкретные действия по изменению условий жизни мужчин и женщин. По мере улучшения окружающей обстановки, нормализации образа жизни, чувство страха уменьшается и перестаёт детерминировать миграционное поведение, хотя не исчезает окончательно.

Можно констатировать, что социальный страх возникает и у той общности, которая принимает вынужденных мигрантов. Выстраивается особая система представлений о тех опасностях, которые создают мигранты

из других стран для местного населения. Выявились существенные гендерные различия в восприятии и в отношении к ним коренных жителей тех регионов, в которые они прибывают.

Результаты опросов потенциальных русскоязычных мигрантов в 90-е гг. XX века в странах ближнего зарубежья позволяют выявить всю трагичность ситуации, в которой неожиданно оказалось некоренное население новых стран после распада СССР. Потенциальные русскоязычные мигранты готовы были изменить свои миграционные намерения только в случае устранения причин этнического дискомфорта (введение второго государственного языка или отсрочка действия закона о языке, устранение этнической дискриминации), гарантировании прав, интеграции с Россией, преодоления чувства оторванности и изоляции (введение двойного гражданства), стабилизации социально-политической ситуации, а также улучшения экономической ситуации. Эти факторы выступали основными элементами той внешней необходимости, которая детерминировала возникновение установок на миграцию не титульного населения.

В диссертации раскрывается диалектика взаимосвязи внешних и внутренних факторов детерминации миграционного поведения. Показано, что культурно-этнические факторы, детерминирующие возникновение ориентаций и установок на миграцию у старшего поколения, закрепляясь, воспроизводятся у следующих поколений в виде стереотипов этнического поведения, которые уже переходят в разряд внутренних факторов детерминации поведения, как вытесняющей группы, так и вытесняемой.

Анализируя внешние факторы, детерминирующие миграционные настроения некоренного населения стран СНГ, диссертант делает вывод, что их влияние неоднозначно. На миграционные настроения потенциальных мигрантов влияют не только условия, сложившиеся в стране исхода, но и обстоятельства российской действительности. Автор работы утверждает, что противоречивая, не всегда четко продуманная миграционная политика самой России, нередко, вела к негативным результатам в детерминации миграционного поведения. Ужесточение закона о получении Российского гражданства в начале XXI в. привело к резкому уменьшению притока переселенцев из стран СНГ.

В ужесточении российских законов о миграции, по мнению автора диссертации, нужно выделить два важнейших этапа создания объективных трудностей для въезда и адаптации в России русскоязычного населения.

Первый этап продолжался десять лет с 1992 г. (создание ФМС) до 2002 г. (все въезжающие на территорию России приравнены к иностранцам). Он характеризуется многочисленными противоречиями в законах о миграции и о российском гражданстве, что не позволяло многим людям, фактически являвшимся вынужденными переселенцами, получить официальный статус или решиться на переезд.

Второй этап начался с 2002 г. и продолжается по настоящее время. Он характеризуется дальнейшим ужесточением миграционных законов. Законодатель не пошёл на принятие закона о репатриации, который давно

ждут в России все прогрессивно мыслящие политики и общественные деятели.

Диссертант приходит к выводу, что вся миграционная политика российского государства в конце XX века демонстрирует создание системы отчуждения для этнических русских, возвращающихся на свою родину. Государство, формально декларируя приём вынужденных мигрантов, реально ставит себя в позицию «не принимающего» субъекта или «формально принимающего». В результате создаётся противоречивая система факторов, детерминирующих поведение принимающего сообщества, в которой продекларированные правила приёма на уровне законов, преломляются через реальную политику «формального» приёма, что в свою очередь обуславливает конкретные действия региональных властей и отношение к мигрантам коренных россиян. Реальностью является существование системы противоречиво действующих объективных и субъективных факторов, детерминирующих поведение принимающего сообщества, которые не подчиняются государственному регулированию и даже не до конца осознаются членами этого сообщества.

В параграфе 1.3 «Влияние социально-политических и экономических факторов на вынужденную миграцию» обосновывается подход, в соответствии с которым, все факторы, детерминирующие особенности миграционных перемещений, нужно подразделить на уровни их проявления. По мнению автора, нужно рассмотреть несколько таких уровней: в государственном масштабе, на региональном уровне, а также на уровне конкретного населённого пункта. Везде создаётся своя особая система взаимодействия представителей принимающей общности с вынужденными мигрантами. Исследования автора диссертации показали, что позитивная установка на переселенцев из стран бывшего Союза чаще встречается у жителей конкретного города, села. Представители разного уровня власти противоречиво, нередко, исходя из своих личных представлений, регулируют адаптацию вынужденных мигрантов.

На вынужденных мигрантов значительное влияние оказывает социально-экономический уровень России, степень её цивилизованности, социокультурной включённости в единое европейское пространство.

Исследование выявило детерминирующую роль экономического фактора на миграционные настроения русскоязычных вынужденных переселенцев. Многие мигранты переезжали в Россию не из столичных центров, а из сельской местности и небольших населённых пунктов стран ближнего зарубежья, где экономический развал был ещё более ужасающим, чем в нашей стране. Можно привести много свидетельств этого факта на основании материалов интервью с мигрантами: «Причин много. Во-первых, бытовые. Главная причина, наверное, это дети в школу. Мы жили на станции и была школа. У меня две девочки, девчонки учились хорошо, без троек и хотелось, чтобы они учились. Мы могли не учиться там месяцами, вот зимой у нас школа разморозилась, и мы 2 месяца вообще в школу не ходили. И все одно к одному, но это, наверное, самое главное. И потом мы

жили в благоустроенной квартире на 5 этаже, у нас не было ни отопления, ни воды, свет включали, буквально, на часы на какие-то». (жен., 37 лет, разведена, Казахстан).

Кроме этого, важным экономическим фактором привлекательности нашей страны было стремление репатриантов воссоединиться с близкими родственниками, живущими в России, и таким образом, вместе, объединив семейные ресурсы, преодолеть трудный жизненный этап. Были факты подобной взаимопомощи и у дальних родственников, у друзей и бывших одноклассников. Такую семейно-родственную взаимопомощь, по мнению диссертанта, тоже нужно учесть как важный экономический ресурс России.

Нужно исследовать в какой степени экономическая помощь Российского государства определяла специфику миграционных перемещений. В этом отношении много пишут о несовершенстве российских миграционных законов, о некачественной работе ФМС, о том, что большинство переселенцев не получали официального статуса, а значит и финансовой помощи от государства. Но есть здесь и другая сторона проблемы. А сколько малоимущих, многодетных семей не смогли бы никогда переехать в нашу страну без помощи российского государства? Каков объём этой помощи был для семей среднего достатка? Какую роль в формировании установок на отъезд играли надежды на получение помощи такого рода? Иногда родственники не могли оказать значительную помощь, и она приходила со стороны государства. *«И значит, Вы, когда сюда ехали, на помощь родственников очень рассчитывали? Да, рассчитывали, а оказалось, что помогло большее государство».* (жен., 41 год, вдова, Казахстан).

Таким образом, социально-политические и экономические факторы детерминации миграционных процессов проявлялись как в странах исхода, так и в стране предназначения. Россия была по многим показателям желанным местом для переезда. В связи с тем, что наша страна заинтересована в притоке русскоязычных граждан на свою территорию, нужно продолжать работать над её привлекательностью. Эта задача напрямую связана с изменением миграционной политики в стране и с её социально-экономическим развитием.

Параграф 1.4 «Гендер в системе детерминации миграционного поведения» посвящён анализу сущности гендерных различий.

Гендер понимается как сложная самоорганизующаяся система, включающая в себя культурные символы, выработанные обществом в процессе своего развития, нормы и законы, регулирующие жизнь человека и общества, социальные институты, воплощающие в жизнь эти нормы, и самоидентификацию личности, т.е. понимание человеком самого себя и своего места в обществе.

Для изучения гендерных детерминант в миграционных процессах можно применить подход, в соответствии, с которым анализ социальных качеств пола осуществляется в двух плоскостях:

- в вертикальной, т.е. в контексте власти, престижа, статуса, дохода, так называемая гендерная стратификация;
- в горизонтальной, т.е. в контексте функций разделения труда, в контексте институционального анализа (семья, экономика, политика, образование).

А также сквозным элементом гендерного анализа будет обязательная система социо-культурной стереотипизации гендерных различий.

Таким образом, изучая детерминацию миграционных процессов, невозможно обойтись без учёта гендерной составляющей, которая лежит в основе социальной стратификации общества в целом, и стратификации мигрирующих групп. Такое же значение в миграционных процессах имеет гендерная стереотипизация, т.к. вынужденным мигрантам приходится перемещаться из одной этнической системы господствующих стереотипов в другую, несмотря на то, что они переселяются в этническом плане в «свою» страну. В результате формируется сложная система сочетания и борьбы стереотипов, которая значительно осложняет процесс адаптации переселенцев в России. Кроме того, в процессе миграции огромную роль играет семейное положение мигрантов, их место в структуре домохозяйства, распределение семейных обязанностей, наличие детей, фактор сплочения семьи, тесные взаимосвязи в составе расширенной семьи (семейного клана). Всё это имеет ярко выраженную гендерную специфику и преломляет действие внешних обстоятельств.

По мнению большинства экспертов, проблемы мужчин и женщин-мигрантов в России совершенно одинаковы, и их крайне трудно дифференцировать. Многие из них считают, что отпускающее и принимающее общества практически идентичны в гендерном отношении. Русскоязычные женщины в бывших республиках СССР были и остаются носительницами универсальной гендерной культуры советского образца, даже в тех республиках, где этнокультурная дистанция между русскоязычными и титульными этносами особенно заметна (страны Центральной Азии). Автор диссертации не может согласиться с мнением о полной гендерной идентичности вытесняющих и принимающих сообществ на постсоветском пространстве. Диалектика их соотношения сложнее. В некоторой степени гендерные стереотипы имели общий советский характер, но всё же это не помогало полностью снять конфликт стереотипов принимающего сообщества и приезжих мигрантов, которые не могли не нести с собой гендерные нормы вытесняющих этносов. Социокультурные барьеры между русскоязычными переселенцами и коренными россиянами стали реальностью для нашей страны, были обозначены в результатах многих исследований и названы Н.П. Космарской термином «другие русские».

Автор рассматривает проблему гендера в вынужденной миграции через анализ гендерной стратификации в странах исхода. Статистические данные и результаты социологических исследований в новых постсоветских странах, показывающие резкое изменение положения женщин в стратификационной

системе в 1990-е гг., позволяют это сделать. В этом ракурсе одной из главных внешних детерминант, преломляющихся через гендер, и вызывающих страх, прежде всего, у русскоязычных женщин, являлись реальные процессы неравенства половых групп, обострившиеся в период суверенизации, что приводило к изменению стратификационной системы не в пользу женщин, т.е. к понижению их социального статуса. Так опросы начала 1990-х гг. в Казахстане показывали нестабильность положения женщин: две трети женщин меняли место работы в течение последних пяти лет, каждая четвертая столкнулась с вынужденной безработицей, к временному или постоянному переезду была готова каждая третья женщина. Исследования показывали, что мужчины, и женщины по-разному воспринимали одни и те же внешние факторы, по-разному на них реагировали.

Далее автор анализирует проблему преломления внешних факторов через гендер путём анализа такого социального института как семья, места и роли этого института в гендерной составляющей процессов вынужденной миграции. В миграции представлены не просто семейные мужчины и женщины, а мигрирующие семейные пары, в которых есть муж и жена, глава семьи, глава семейного клана и т.д. Все эти гендерные характеристики влияют на принятие решения о миграции, на способ миграции, на выбор места жительства в стране предназначения и на процесс адаптации в новом месте. Можно утверждать, что надежда на семейно-родственные связи это существенный фактор в ряду гендерных характеристик вынужденных мигрантов. Этот гендерный фактор детерминации миграционного поведения влияет и на выбор принимающей страны, на выбор конкретного населённого пункта для переезда, на объём материальной помощи, а что самое главное – на различия в психологическом самочувствии, и, таким образом, на успешность адаптации мужчин и женщин-мигрантов.

Таким образом, можно утверждать, что действие внешних факторов действительно преломлялось через гендерные особенности переселенцев, а это преломление, в свою очередь, было обусловлено возрастными, семейными и другими социальными характеристиками потенциальных мигрантов.

Общим в системе детерминации миграционного поведения женщин и мужчин, имеющих различный семейный статус, будет глубоко подсознательное и, актуализирующееся под влиянием резко изменившихся внешних обстоятельств, чувство страха, переживание которого могло приводить к формированию миграционных установок. Но эти переживания по-разному проявлялись у представителей половых групп, будучи детерминированы гендерными нормами и стереотипами сознания.

Можно выделить и особенные факторы, детерминирующие миграционное поведение, женщин и мужчин. Так миграционная активность женщин на основе страха, детерминируется, по нашему мнению, прежде всего, стремлением сохранить собственных детей и себя, как неотъемлемую их часть, как гаранта их сохранения. Важнейшей детерминантой женского

поведения является и потребность, возникающая из насущной необходимости, создать условия, в которых сохранность детей будет максимальной. И особенным фактором детерминации поведения потенциальных мигрантов является стремление женщин к устойчивости, стабильности, а таким образом, и ориентация на будущее, т.е. сиюминутное закладывание «завтрашней» стабильности, стремление к постоянно воспроизводящемуся постоянству. Женщина сохраняет стабильность существования себя и детей именно за счёт активного приспособления, если таковое возможно. При невозможности приспособления она ищет более благоприятные условия для создания стабильного образа жизни. Будучи ответственной за двух-трёх человек, семейная женщина просто вынуждена быстро и гибко приспосабливаться или переезжать туда, где наиболее безопасно для детей.

В отличие от женщин, миграционное поведение мужчин, в первую очередь, детерминировано угрозой ухудшения материального обеспечения, понижения статуса, необходимостью поиска лучших условий для профессионального роста, страхом перед увольнением и сокращением, а также ухудшением условий собственной самореализации. Всё это серьёзные факторы, могущие повлиять на формирование мотивов переезда у мужчин. Если женщины стремятся к стабильности, то одной из детерминант мужского поведения является стремление к постоянным изменениям. Это может быть связано и с карьерным ростом, и с семейными переменами, и с увлечениями. Вот почему призыв женщины мигрировать ради сохранения стабильности существования детей, находит у мужчин отклик, который завершается процедурой переезда или хотя бы тем, что мужчины едут «на разведку» новых мест для жизни. Таким образом, факторы, детерминирующие миграционное поведение представителей разных половых групп, находятся в определённой согласованности, т.к. мужчина путём миграции стремится обеспечить женщине, требующуюся для спокойствия её и детей, стабильность.

Вторая глава диссертации «Специфика детерминации адаптационных процессов вынужденных мигрантов в зависимости от гендерного фактора» посвящена анализу проблем приспособления мужчин и женщин на территории нашей страны.

В параграфе 2.1 «Основные сложности и стадии адаптации мигрантов» проанализированы, прежде всего, такие трудности адаптации переселенцев как неопределенность стратегий и тактик эффективной адаптации и их реализации для вынужденных мигрантов. Необходимость одновременной и многоуровневой адаптации русскоязычных в новых условиях существенно осложняет аккультурацию переселенцев. Ввиду особых этнических характеристик потока вынужденных мигрантов на постсоветском пространстве возникает столкновение их интересов и стереотипов с теми, которые характерны для принимающей общности. Особой проблемой является разрушение прежней идентичности и необходимость приобретения новой, что представляет собой сложный и противоречивый процесс поиска

взаимной толерантности мигрантов и представителей местного населения. Так же нужно выделить противоречивость уровней взаимной адаптации субъектов миграции: принимающей общности и самих мигрантов. Наконец, существенное влияние на процесс адаптации переселенцев к новым реалиям оказывает противоречивая миграционная политика Российского государства.

Диссертант анализирует основные стадии адаптации вынужденных переселенцев на территории России в настоящее время. Критерий их выделения носит комплексный характер, связывая сами стадии перемещения с успехами постепенной интеграции в новое культурное сообщество. Диссертант утверждает, что адаптация к новой социокультурной реальности начинается уже в стране исхода. Это *стадия предадаптации*, когда формируются ведущие мотивы миграции. На этой стадии идёт активная подготовка к успешной адаптации через сбор информации об образе жизни нового культурного сообщества, через актуализацию старых связей и знакомств с теми, кто может помочь мигранту, включая близких и дальних родственников. Некоторые мигранты на этом этапе предпринимают «разведку местности» с целью закладывания основ будущей адаптации. Большое значение здесь имеет подготовка необходимых документов, решение формальных вопросов, а так же выбор механизма миграции, что может значительно сказаться на дальнейшей адаптации. Совершенно особое значение имеет выбор конкретного региона и населённого пункта.

Следующая стадия - *адаптация во время самого перемещения*. В процессе переезда в зависимости от выбора его способа и особенностей возникают первые столкновения с членами принимающей общности. Здесь мигранты извлекают полезный опыт, получают новую информацию, могут попытаться завязать новые знакомства, делают первые попытки интеграции с новым сообществом. Часто именно на этом этапе возникает стресс аккультурации, острота которого зависит от целой совокупности обстоятельств внешнего характера и от особенностей самих мигрантов, в частности, от их гендерных характеристик.

Следующая *стадия первичной адаптации* продолжается по данным диссертанта от полугода до двух лет. Этот этап привыкания характеризуется тем, что переселенцы испытывают настоятельную потребность в активном общении с членами мигрантского сообщества, прибывшего из того же населенного пункта, для получения определенной помощи от них. На этом этапе, как правило, возникают обособленные мигрантские поселения или сообщества, что замедляет адаптацию в новой культурной среде. Именно в этот период вынужденные мигранты склонны осуществлять вторичную миграцию в пределах России в поисках близкого культурно-этнического окружения, т.к. не узнают в россиянах типичных русских. На этой стадии возможно возвращение в страну исхода, что знаменует собой неудачу в процессе адаптации в новом сообществе.

Стадия вторичной адаптации может длиться до 5-7 лет. Переход на эту стадию означает успех в аккультурации, что делает маловероятным возможность возвращения в страну исхода. Адаптантам выстраивают систему

социальных сетей уже не только внутри мигрантского сообщества, но и всей принимающей группы. Стресс аккультурации проходит в процессе интеграции с новым сообществом. Вынужденные мигранты, растворяясь среди коренных жителей, из «чужих» и «пришлых» превращаются в полноправных членов принимающей группы. Процесс адаптации заканчивается.

В качестве критериев успешности адаптации вынужденных мигрантов автор принимает комплексный критерий, являющийся совокупностью как объективных, так и субъективных показателей. Объективными показателями эффективности являются степень фактического приспособления на всех уровнях повседневной жизнедеятельности (к России в целом, к региону, работе, сложившемуся кругу общения). В итоге формируется желание остаться жить на исторической родине в конкретном населённом пункте, достигается тот же уровень социального статуса, какой они имели в стране исхода или его улучшение. Субъективным критерием является позитивное мнение вынужденных мигрантов об эффективности адаптации, их самоощущение, самооценка, чувство удовлетворенности от выполненного решения о переезде в Россию.

В параграфе 2.2 «Факторы, детерминирующие процесс адаптации вынужденных мигрантов» рассматриваются различные теории, которые могут быть использованы для объяснения проблем приспособления мигрантов в чужой стране, разрабатывается авторская теория взаимосвязи внешних и внутренних факторов этого процесса.

Прежде всего, отмечается, что вытесняющая общность действует на основе специфически выраженной потребности в сохранении и утверждении господствующего положения собственного этноса. Разнообразные формы вытеснения некоренных жителей ведут к становлению у значительной их части ориентаций и установок на возвращение на землю своих предков.

Эта же внешняя необходимость сохранения своей этничности, а также самого государства влияет на общее представление о ценности мигрантов у большинства россиян. Возникает соединение двух видов потребностей: мигрантов в улучшении своего материального положения, условий социокультурной жизни и принимающей общности в увеличении своей численности, притока рабочей силы за счет русских, приезжающих из стран ближнего зарубежья.

Таким образом, существенное влияние на процесс приспособления переселенцев к новой жизни оказывает то, что их установки в целом соответствуют современной геополитической ситуации в мире, и в России, в частности. Нашей стране, имеющей огромные пространства, нужно выживать за счет увеличения численности населения. Поскольку рождаемость остается весьма низкой, а смертность высокой, то приток русскоязычных мигрантов является важным политическим и социально-экономическим фактором сохранения нашей страны.

Однако, как показало исследование доктора, на адаптации мигрантов негативно сказывается, во-первых, противоречивая государственная миграционная политика, не обеспечивающая необходимый уровень реализации прав мигрантов. Во-вторых, стихийность самой иммиграции, что не позволяет создать в местах переселения выходцев из стран СНГ благоприятные условия для их адаптации. Сказывается и отсутствие отлаженной системы взаимодействия общественных организаций, создаваемых переселенцами, с местными органами власти. Кроме того, на адаптацию негативно влияет неприятие вынужденных мигрантов со стороны части коренных россиян, воспринимающих их как общность, посягающую на устойчивость сложившихся экономических и социокультурных связей.

Доктор показывает, что на процесс адаптации вынужденных мигрантов в конкретном регионе влияет уровень жизни местного населения; потенциал его повышения усилиями тех, кто давно проживает в нем, или с привлечением переселенцев. Решение проблемы трудоустройства, психологические проблемы привыкания к новому месту жизни и к иному кругу общения, материальные и организационные трудности приобретения жилья, помочь родственников и знакомых – все эти обстоятельства так же детерминируют процесс адаптации. Важным фактором успешной адаптации является состояние здоровья, которое, нередко, ухудшается в условиях резкой смены климата и стресса переезда. Для части мигрантов фактором адаптации становится состояние одиночества в решении всех экономических и социокультурных проблем привыкания к новой ситуации.

Проведенный автором докторской диссертации анализ особенностей работы региональных отделений Федеральной миграционной службы показал, что важнейшими внешними факторами, влияющими на адаптацию мигрантов, являются следующие:

1. проблема постановки на учёт в ФМС;
2. личность чиновника миграционной службы;
3. виды и объём помощи, предоставляемой ФМС;
4. деятельность Центров временного размещения мигрантов (ЦВР);
5. проблема многократной передачи миграционной службы различным ведомствам;
6. проблема нарушения прав мигрантов;
7. характер сотрудничества ФМС с муниципальными органами власти.

Доктор выделяет значимость решения проблемы формирования *доверия* между переселенцами и россиянами, и считает, что важнейшим фактором успешной адаптации мигрантов является завоевание этого доверия.

Доктор анализирует роль таких внутренних факторов как установки мигрантов на интеграцию с местным населением; потребности мигрантов в достижении того уровня жизни, какой был у них в стране исхода; семейно-родственные интересы вынужденных переселенцев; ожидания помощи от российского государства и родственников.

Анализ внешних и внутренних факторов адаптации вынужденных мигрантов позволили сделать следующий вывод: с одной стороны,

привыкание переселенцев к новой жизни детерминировано совокупностью внешних условий, преодолеть неблагополучный характер которых многие мигранты не в состоянии; а, с другой стороны, никакие благоприятные внешние факторы не могут привести к интеграции с местным населением, если мигранты сами не имеют такого желания, не проявляют активность в этом направлении. Такая активность, по мнению диссертанта, должна формироваться у потенциальных переселенцев ещё в стране исхода.

В параграфе 2.3 «Влияние гендерного фактора на адаптацию вынужденных мигрантов» отмечается, что гендерные аспекты этого процесса практически не изучены в отечественной социологии. С одной стороны, существуют исследования, обосновывающие более высокую адаптивность мужчин в новом месте жительства. С другой стороны, часть ученых приходит к выводу, что женщины-мигранты адаптируются более успешно в принимающих сообществах, чем мужчины. По мнению автора более высокая эффективность адаптации женщин-мигрантов может быть обоснована существованием социальных механизмов, которые детерминируют их особую гендерную адаптивность. Их действие вызвано следующими факторами.

Во-первых, лучшей адаптивностью женщин в целом, которые и биологически, и социально привыкли преодолевать различные жизненные трудности. Весь исторический опыт женщины формировал у нее установку на возможность появления тяжелой жизненной ситуации, в которой требуется умело изменить свое сознание и поведение.

Во-вторых, мужчины и женщины предъявляют разные требования к себе во время адаптационного периода. Женщины больше внимания обращают на необходимость активного приспособления даже путем ограничения многих своих устоявшихся потребностей. Мужчины ищут те условия жизни, которые не требуют от них существенных изменений привычных форм поведения на производстве и в быту. Успешность адаптации у женщин и мужчин определяется разными сферами самореализации и самоутверждения: в профессиональной – у мужчин, и в семейной – у женщин.

В-третьих, женщины-мигранты применяют особые стратегии адаптации в новом социуме, которые оказываются более плодотворными, чем мужские и позволяют быстрее и результативнее адаптироваться.

В-четвёртых, женщины больше, чем мужчины готовы к отказу от устоявшихся стереотипов гендерного поведения, частично заимствуя нормы и правила мужского поведения в новой жизненной ситуации, что позволяет им быстрее адаптироваться к иной социокультурной ситуации.

И, в-пятых, важным является то обстоятельство, что женщины-мигранты в меньшей степени по сравнению с мужчинами переживают по поводу временной потери прежнего социального статуса, что обеспечивает сохранение психофизического здоровья, необходимого для преодоления трудного жизненного этапа, целью которого является сохранение семьи, а не только себя лично.

В параграфе 2.4 «Влияние гендерных стереотипов на адаптацию вынужденных мигрантов» автор рассматривает гендерную стереотипизацию в ряду важнейших социальных факторов, через которые преломляются детерминанты миграционного поведения вынужденных переселенцев.

Гендерные стереотипы - это один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном и их иерархии. Они выражают внутренние установки на понимание роли мужчин и женщин в функционировании и развитии общества, системы поведения в кризисных ситуациях, каковой является миграция.

Влияние гендерных стереотипов на адаптацию мигрантов, по мнению автора, может проявляться в следующем. Во-первых, сохранять то поведение, которое было сформировано в стране исхода мигрантов. Во-вторых, детерминировать темпы приспособления к новым условиям жизни в стране пребывания. В-третьих, создавать систему конфликтов из-за несовпадения со стереотипами коренных россиян. В-четвертых, определять характер и длительность разрешения конфликтов в содержании гендерных стереотипов мигрантов и местного населения.

Диссертант показывает, что при анализе вынужденных миграций конца XX в. нужно рассмотреть следующие виды гендерных стереотипов: в разделении труда между полами и в видах занятости, половые роли в семье и ведении домохозяйства, стратегии и тактики адаптации к новым социально-экономическим и социокультурным условиям.

Вынужденная миграция заставляет женщин в целях ускорения адаптации на новом месте более активно разрушать те стереотипы, которые препятствуют достижению благополучия семьи на новом месте пребывания. Такая система поведения позволяет им успешнее пройти основные этапы приспособления к требованиям современной России. С задачей разрушения стереотипов, усвоенных в стране исхода и овладения новыми гендерными нормами страны приёма, быстрее и успешнее справляются, как показали исследования автора, женщины.

Конфликт стереотипов, сформированных в стране исхода с теми, которые распространены в России, существенно осложняет адаптацию переселенцев. Благоприятным обстоятельством, снимающим остроту конфликта, является то, что русскоязычные переселенцы, во-первых, едут на свою историческую родину, а многие из них и родились в России. Во-вторых, то, что до 1991 г. все страны исхода объединяло с Россией одно социально-политическое пространство – Советский Союз. В силу этого обстоятельства все бывшие жители СССР не могли не иметь общих стереотипов, обусловленных господствующим образом жизни. Общими, советскими были и многие гендерные стереотипы. Однако полностью снять напряженность при столкновении разных устойчивых программ поведения мигрантов и местного населения эти факторы не могут. На материалах исследования автор показывает, что в силу резких различий в культурах коренного населения

страны исхода со страной прибытия особенно острый этот конфликт был у мигрантов, переселяющихся в Россию из постсоветских стран Средней Азии. У переселенцев из новых стран европейской части бывшего СССР проблема столкновения гендерных стереотипов с россиянами не имела такой остроты.

В третьей главе «Общее и особенное в адаптации мужчин и женщин-мигрантов» докторант на материалах конкретно-социологических исследований анализирует стратегии адаптации гендерных общностей, а также отношение коренных россиян к вынужденным мигрантам.

В параграфе 3.1 «Гендерные особенности адаптационного процесса вынужденных мигрантов» доказывается эффективность адаптационных стратегий и тактик, применяемых женщинами-мигрантами. Среди полностью адаптировавшихся мигрантов, женщин больше, чем мужчин на 27%. Также и среди адаптировавшихся частично в два раза больше женщин, чем мигрантов мужского пола. Более двух лет для полной адаптации понадобилось подавляющему большинству мужчин (78%) и только половине женщин (56%). Это следствие того, что мужчины свою адаптированность связывают в первую очередь с внешними, материальными сторонами жизни, а достижение успеха в этом направлении после переезда требует времени. Мужчины больше женщин мотивированы успехами в восстановлении карьеры, прежнего статуса. Женщины в своей стратегии и тактике адаптации в большей степени мотивированы такими внутренними факторами, как желание воссоединиться с родственниками, эмоциональной потребностью жить в благоприятной, спокойной обстановке, обеспечить стабильное будущее своим детям. Они ожидают безусловного улучшения всех сторон жизнедеятельности для членов своей семьи даже в отсутствии высоких заработка и работы по специальности.

Исследования показали, что материальные показатели адаптации у женщин гораздо хуже мужчин. Даже среди полностью адаптировавшихся респондентов более высокого уровня жизни по сравнению со страной исхода смогли достичь 34% мужчин и 23% женщин. Среди тех, кто ещё не привык, такого же уровня жизни смогли добиться 21% мужчин и всего 3% женщин.

Эта же закономерность сохраняется и по другим показателям внешних сторон адаптации. Так среди женщин существенно меньше, чем среди мужчин, нашедших в России работу по специальности: 35% и 52% соответственно. Это, безусловно, влияет на уровень жизни переселенцев, который ниже именно у женщин, хотя уровень их образования выше, чем у мигрантов-мужчин. Несмотря на всё это, самочувствие женщин в отношении результатов адаптации лучше, чем у мужчин.

Показателем эффективности адаптации женщин в конкретном населённом пункте, в частности, служит то, что среди них, по сравнению с мужчинами, меньше желающих переехать в другое место или вернуться назад: 35% и 44% соответственно. Среди полностью адаптировавшихся респондентов остаться жить в этом населённом пункте планируют подавляющее большинство женщин (68%) и только половина мигрантов-мужчин (51%). Итак, по

объективным показателям женщины-мигранты явно проигрывают мужчинам-мигрантам, но субъективно они чувствуют себя более адаптированными.

Изучив адаптационные практики мигрантов, диссертант приходит к выводу, что мужчины и женщины имеют как общие механизмы адаптации, так и различные стратегии и тактики приспособления на новом месте жительства. Различия двух гендерных групп связаны с тем, что степень выраженности и осознания базовых потребностей у мужчин и женщин-мигрантов разная. Это, в свою очередь, формирует различные способы осуществления адаптации. Эта дифференциация основана на том, что мужчины в большей степени мотивированы внешними факторами, детерминирующими миграцию, а женщины – внутренними обстоятельствами, обуславливающими переезд и адаптацию к новой социокультурной обстановке.

Специфическими для мужчин являются следующие стратегии миграционного поведения: стремление как можно скорее и успешнее добиться утерянного в процессе переезда социального статуса, утраченного уровня материального благосостояния. Для этого мужчины активно ищут подходящую достаточно высокооплачиваемую работу, позволяющую разрешить указанные проблемы. Когда это не удается осуществить, у них возникает ориентация на вторичную миграцию, чаще в пределах России. Бизнес-активность, как стратегия адаптации; самостоятельность и опора на собственные силы – это так же особенность мужчин, следствием которой является гораздо меньшая степень, чем у женщин, обращения за помощью в государственные органы.

Специфическими для женщин можно назвать такие стратегии: готовность взяться за любую работу, дающую хотя бы какой-то заработок, и постепенный поиск более доходной должности; поведение, направленное на формирование положительного эмоционального настроя к себе со стороны местных жителей; обращение к внешней поддержке (родители, родственники, соседи, одноклассники, подруги, коллеги по работе, миграционная служба, муниципальные органы власти, религиозные общины и др.). Следствием этого является более быстрая и успешная психологическая адаптация, часто выражаясь в т.н. «женском приспособленчестве», как особом способе установления связей и чувственно-эмоциональных контактов. Реализация установки на скорейшее привыкание к особенностям населённого пункта и к образу жизни местных жителей приводит к более быстрому вхождению в новую социокультурную среду. Женщины также используют особые способы психологической разгрузки, борьбы со стрессом аккультурации: сближение с другими мигрантами, завязывание новых контактов из местных жителей для эмоционального общения, поездки в гости в страну исхода, перечитывание писем, просмотр видеокассет, фотографий из прежней жизни и др. У них активно происходит изменение системы базовых ценностей, пересмотр всей прежней жизни.

Диссидент показывает, что возможность устроиться работать по специальности, приобрести квартиру не хуже, чем была в стране исхода, получить другие виды материальной помощи от ФМС или от родственников, достичь такого же уровня жизни какой был до переезда – все эти обстоятельства являются очень важными для адаптации переселенцев. Не менее важным обстоятельством является формирование доверия между россиянами и приезжими, психологическое встраивание репатриантов в новые условия жизни, формирование связей и многочисленных социальных контактов, создание доброжелательных взаимоотношений, формирование благоприятного морального климата в местах расселения мигрантов. При этом большую роль играют родственные связи, отсутствие которых существенно усложняет адаптацию, как мужчин, так и женщин. Мигрантки сильнее испытывают дискомфорт, если не получают помощи со стороны родственников.

Диссидент приходит к следующему выводу: в современных условиях, когда государство обладает очень скромными возможностями для поддержки мигрантов и их семей, именно родственники играют решающую роль в адаптации мигрантов, помогая решить жилищную проблему, ускорить получение прописки и т.п.

Результаты опроса показали, что Курганская область не для всех переселенцев является привлекательным местом постоянного жительства. Жить здесь намеревается только половина опрошенных (53%). 17% прибывших в этот регион уже планируют переезд в другую местность России, а 5% даже хотят вернуться обратно в страну исхода. Шестая часть опрошенных пока размышляют о своих дальнейших действиях.

Параграф 3.2 «Отношение коренных россиян к вынужденным переселенцам» посвящен анализу ориентаций и установок местного населения к сотрудничеству, принятию переселенцев. На материалах опроса жителей типичного среднего города России выяснилось следующее.

В целом половина опрошенных относятся к переселению вынужденных мигрантов в нашу страну положительно, и более трети – нейтрально. Но чем ближе они размещаются к тому месту, где проживают респонденты, тем сильнее проявляется негативная оценка этого явления. Люди не хотят лично переживать те проблемы, которые возникают при непосредственном общении с мигрантами.

Негативное и позитивное отношение к переселенцам также во многом детерминировано противоречивостью миграционной политики. С одной стороны, государство проявляет заинтересованность в увеличении среди мигрантов доли тех, кто являются представителями распространенных в России этносов. С другой стороны, оно не оказывает им необходимой помощи, ускоряющей процесс адаптации вынужденных переселенцев. Этим, на наш взгляд, вызвано решение Президента В.В. Путина о разработке специальной программы помощи тем россиянам, которые выразили желание вернуться в Россию из стран ближнего зарубежья.

Исследования автора зафиксировали проблему специального формирования доверия местного населения к переселенцам. Опрошенные жители типичного российского города демонстрируют довольно низкую степень готовности доверять и конкретно помогать в обустройстве вынужденным мигрантам. Они не против того, чтобы им помогало государство или кто-либо ещё, но желательно, чтобы это не касалось конкретно тех, с кем они рядом проживают. Подавляющее большинство опрошенных сами никогда не оказывали помощи вынужденным мигрантам. Только треть респондентов отметили такие примеры в своём поведении, хотя 60% опрошенных работают или учатся вместе с мигрантами, имеют их в составе родственников, друзей или знакомых.

Исследования диссертанта показали, что степень доверия мигрантам со стороны коренных россиян, прежде всего, определяется страной выбытия и их этнической принадлежностью. Респонденты больше доверяют русскоязычным мигрантам славянской внешности.

Половина респондентов считают, что плохое отношение к переселенцам может вызвать тот факт, что они создают криминальную обстановку в местах своего проживания (49%); они занимают рабочие места (35%); отвлекают на себя ресурсы социальных служб (25%); первыми получают жильё, отодвигая коренных жителей (21%); а так же то, что они несут чуждую для местного населения культуру (17%). Таким образом, негативное отношение к мигрантам со стороны россиян связано, в первую очередь, со страхом ухудшения обстановки в стране. Такое мнение, как показало наше исследование, чаще всего подтверждается реальной практикой, однако, многие СМИ создают такое мнение своими материалами.

Полученные результаты позволяют проанализировать три аспекта гендерной вариативности:

1. как гендерные характеристики мигрантов влияют на отношение к ним со стороны коренных россиян;
2. как гендерные характеристики самих россиян детерминируют их отношение к вынужденным мигрантам из стран ближнего зарубежья;
3. как проявляется социальный пол в оценке миграции, когда идёт пересечение гендерных характеристик россиян и мигрантов (например, в системе «мужчина-россиянин – мужчина-мигрант» или «мужчина-россиянин – женщина-мигрант» и т.д.)

Автор приходит к выводу, что отношение к переселенцам определяется не самим полом мигрантов, а скорее гендерными стереотипами, существующими в сознании у значительной части местного населения. Понимая необходимость оказания поддержки переселенцам, жители типичного российского города считают, что в помощи государства, прежде всего, нуждаются женщины-мигранты, а не мужчины: 20% и 1,4% соответственно. Это вызвано тем, что господствующим стереотипом в отношении мужчин является представление, что они должны собственными силами обеспечить необходимые условия жизни на новом месте. Большее

сочувствие у горожан вызывают именно женщины, а не мигранты-мужчины: 23% и 1% соответственно.

Исследование показало, что само отношение к различным группам мигрантов определяется тем, какие гендерные черты свойственны местному населению. Низкий социальный статус многих женщин в средних по размерам городах России, невысокий уровень их доходов, стремление сохранить закрытость социальных сетей для «чужаков» влияют на то, что они более ревниво, чем мужчины относятся к оказанию помощи мигрантам со стороны государства.

Опрошенные мужчины в большей степени, чем женщины, продемонстрировали то, что пол респондентов не оказывает существенного влияния на их оценку этого явления. На женщин же пол переселенцев оказывает однолинейное воздействие – в пользу мигрантов-женщин и в сторону недоверия мужчинам.

Исследование позволило выделить типичные варианты гендерного взаимодействия местного населения с мигрантами:

1. «мужчина-россиянин – мужчина-мигрант». Для этого типа взаимодействия характерно, с одной стороны, типичное мужское взаимопонимание. С другой стороны, недоверие, боязнь включения чужого человека в устоявшиеся мужские связи с представителями местного населения.

2. «мужчина-россиянин – женщина-мигрант». Это взаимодействие отличается большей степенью доверия и сочувствия. Женщина всегда воспринимается мужчинами как слабая, требующая поддержки и помощи. К тому же СМИ не маркируют мигранток, как опасных, не формируют отрицательного отношения к ним.

3. «женщина-россиянка – мужчина-мигрант». Этот тип взаимоотношений характеризуется высшей степенью недоверия и боязни. Страх перед «чужим завоевателем», который всегда был и будет мужского пола, несмотря на общую этничность, максимально проявляется в этом типе взаимодействия. Подсознательный и осознанный страх, активно подогреваемый СМИ, детерминирует отношение женщин к мигрантам мужского пола.

4. «женщина-россиянка – женщина-мигрант». Такое взаимодействие может быть определено как самый оптимальный тип, строящийся на доверии и сочувствии, женской солидарности и взаимопомощи. Россиянки готовы оказывать помощь и принимать, в первую очередь, женщин-мигрантов.

Эта типизация позволяет лучше понять детерминанты разнонаправленного, противоречивого отношения россиян к вынужденным переселенцам.

Диссертантом установлено, что если люди имеют личный опыт общения с мигрантами, то они более благосклонно относятся к ним и готовы при определённых условиях к оказанию некоторой, чаще всего психологической поддержки. Те, кто не имеют личного опыта общения с данной категорией людей, выражают более высокую степень негативного отношения к мигрантам. Так среди представителей первой группы меньше тех, кто

высказал отрицательное отношение к переселенцам (8%). Во второй группе таковых - 18%. Этот факт объясняется тем, что личное общение с мигрантами помогает на деле убедиться в их бедственном положении, а значит и способствует формированию у респондентов позитивного отношения к репатриантам.

В целом, отношение жителей типичного российского города к вынужденным переселенцам из стран ближнего зарубежья можно охарактеризовать, как сдержанно-принимающее. Как сказала одна из респонденток: «*Если они не занимают наши рабочие места и квартиры, то пусть живут!*». Таким образом, страх потери ресурсов, власти и социального статуса в значительной степени детерминирует мнение коренных россиян по отношению к вынужденным мигрантам.

Результаты опросов местного населения и мигрантов показывают, что существует ряд противоречий, которые существенно осложняют адаптацию переселенцев по месту их нового жительства. Коренные жители, не возражая против переселения мигрантов в Россию, однако, негативно воспринимают их появление рядом с собой на соседней улице, том предприятии, где они трудятся. Поскольку наибольшее недоверие проявляется к мигрантам-мужчинам, то им сложнее всего адаптироваться в новой ситуации. Женщины-мигранты, ощущая к себе более позитивное отношение представителей обоих гендерных общностей страны приёма, быстрее и успешнее приспосабливаются к новой социокультурной ситуации.

Исследования доктора наук показали, что на федеральном и на региональном уровне нужно разработать и реализовать специальную программу целенаправленной работы как по привлечению мигрантов в Россию, так и по созданию оптимальных условий для их успешной адаптации. Важнейшей её задачей является формирование доверия между россиянами и приезжими, создание не только необходимых материальных, но и социально-психологических условий, обеспечивающих превращение мигрантов в полноценных жителей страны.

В «*Заключении*» представлены основные выводы и рекомендации, направленные на совершенствование миграционных процессов в России, создания условий для успешной адаптации коренного населения на своей исторической родине.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография и статьи в рецензируемых журналах

1. Жизнь мигрантки в моногороде: Монография. – М.: ООО «Книгодел», 2004. – 373 с.- 23,25 п.л. (В соавторстве).
2. Отношение жителей провинциального города к вынужденным мигрантам // Социол. исслед. – 2006. – № 2. – С. 117-119. (0,25 п.л.)

3. Факторы, детерминирующие процесс адаптации вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья // Электронный журнал «Известия Челябинского научного центра», выпуск 2(28), апрель-июнь 2005 г. http://csc.ac.ru/news/2005_2 (1,7 п.л.)

Научные статьи и тезисы

4. Демографическая ситуация в малом городе: [Об особенностях демографической структуры г. Шадринска] // Тезисы Межотраслевой научно-практ. конф. «Снежинск и наука». – Снежинск, 2000. – С. 535-536. (0,1 п.л.)
5. Женщина и бизнес (опыт социологического исследования отношения женщин г. Шадринска к предпринимательской деятельности) // Шадринская провинция: Материалы третьей межрегиональной научно-практической конференции. – Шадринск, 2000. – С. 33 – 35. (0,2 п.л.)
6. Проблема социальной адаптации мигрантов (на примере г. Шадринска и Шадринского района Курганской области) // Бицентры России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы межрегиональной научно-практической конференции [октябрь 2002 г.]. – Новомосковск, 2002. – Часть 2. – С. 78-84. (0,4 п.л.)
7. Проблемы адаптации женщин-мигранток в условиях моногорода // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции [декабрь 2002 г.]. – Пенза, 2002. – С. 39-42. (0,25 п.л.)
8. Миграционные процессы в России и нарушение прав человека // Права человека. Реализация международных и внутрироссийских механизмов защиты прав человека: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции [январь 2003 г.]. – Пенза, 2003. – С. 34-36. (0,2 п.л.)
9. Интолерантность как причина миграции русских из стран ближнего зарубежья // Проблемы формирования толерантного сознания в воспитательной работе с учащимися: Материалы научно-практической конференции [20 февраля 2003 г.]. – Курган, 2003. – С. 32-33. (0,1 п.л.)
10. Другие русские // Формирование мировоззренческих позиций молодёжи в современных условиях: Материалы межрегиональной научно-практической конференции [10 апреля 2003 г.]. – Шадринск, 2003. – С. 15-18. (0,25 п.л.)
11. Что мешает возвращению русских в Россию? // Современные проблемы атомной науки и техники: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Снежинск, 2003. – С. 514-516. (0,2 п.л.)
12. Гендерные особенности адаптации переселенцев из стран ближнего Зарубежья // Кросс-культурные и гендерные исследования. Социологические проблемы образования, семьи, молодежи. Ч. 2. – Екатеринбург, 2004. – С. 281-296. – (В соавторстве). (1 п.л.)

13. Предпринимательская активность мигранток в условиях провинциального города // Шадринская провинция: Материалы пятой региональной научно-практической конференции. – Шадринск, 2004. – С. 72-76. (0,3 п.л.)
14. Вынужденная миграция как фактор стабилизации численности населения города Шадринска // Актуальные проблемы модернизации высшего педагогического образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 65-летию Шадринского государственного педагогического института. 22 октября 2004 года. – Шадринск, 2004. – С. 344-347. (0,25 п.л.)
15. Вынужденная миграция как социальная проблема России в конце XX века // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. Материалы научного семинара. – Оренбург, 2004. – С. 45-51. (0,4 п.л.)
16. Региональные особенности вынужденной миграции как глобального процесса // Глобализация и региональная культура: методологические проблемы изучения. Материалы научно-практической конференции, 28 октября 2004 г. – Тюмень, 2004. – С. 24-27. (0,25 п.л.)
17. Гендерный подход к определению сущности процесса вынужденной миграции // Молодёжь и будущее атомной промышленности России: Конференция студентов ВУЗов Урала. Сборник докладов. – Снежинск: СГФТА, 2004. – С. 77-81. (0,3 п.л.)
18. Адаптация вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья в условиях трансформации российского общества (региональный аспект) // Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XV Уральские социологические чтения. Возрождение России: общество – управление – образование – культура – молодёжь». – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2005. – № 3(55). Ч. 1. – С. 98-100. (0,2 п.л.)
19. Актуальность и проблемы изучения вынужденной миграции в России в конце XX века // Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. – Курган: Издательство Курганского гос. университета, 2005. – С. 214-217. (0,25 п.л.)
20. Факторы адаптации вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодёжь –культура. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2005. – С. 31-34. (0,25 п.л.)
21. Детерминация вынужденной миграции из стран ближнего зарубежья // Электронный журнал «Исследовано в России», 115, стр. 1172-1177, 2005 г. <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2005/115.pdf> (1,1 п.л.)

22. Адаптация вынужденных мигрантов в условиях моногорода // Организация в фокусе социологических исследований. Том II. [Материалы соц. исследований и международной научно-практической конференции «Организация в фокусе социологических исследований» (апрель 2005 г., Нижний Новгород, ННГУ им. Н. И. Лобачевского). – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2005. – С. 168-171. (0,25 п.л.)
23. Специфика детерминации адаптационных процессов вынужденных мигрантов в зависимости от гендерного фактора / Бритвина И. Б.; Шадринский гос. пед. ин-т. – Шадринск, 2005. – 34 с. – Библиог.: 29 назв. – Рус. // Деп. в ИНИОН РАН 07.09.2005 № 59428. (2,1 п.л.)
24. Экономические детерминанты вынужденной миграции на постсоветском пространстве // Зыряновские чтения: Материалы III межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 23-24 ноября 2005 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 102-104. (0,2 п.л.)
25. Проблема формирования толерантного сознания на примере взаимоотношений россиян и вынужденных мигрантов // Экстремизм как социальный феномен: Материалы международной научно-практической конференции (Курган, 1-2 декабря 2005 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 22-27. (0,4 п.л.)
26. Идентичность вынужденных мигрантов и россиян как фактор успешной адаптации переселенцев в нашей стране // Дискурс-Пи: Научно-практический альманах. Вып. 5. – 2005. – С. 39-42. (0,25 п.л.)
27. Социально-экономическое развитие Курганской области в контексте проблемы вынужденной миграции // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы IX международной конференции (23-24 марта 2006). Ч. 2. – Екатеринбург, 2006. – С. 73-75. (0,2 п.л.)
28. Противоречия в системе адаптации вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья на территорию России // Емельяновские чтения: Материалы I межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 19-20 апреля 2006 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 139-141. (0,2 п.л.)
29. Влияние политических и экономических факторов на адаптацию вынужденных мигрантов // Снежинск и наука - 2006. Трансфер технологий, инновации, современные проблемы атомной отрасли: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. - Снежинск Челябинской области: Издательство СГФТА, 2006. – С. 68-70. (0,2 п.л.)

Учебно-методические пособия

30. Социально-территориальная структура общества // Социология: Избранные лекции. – Шадринск, 1995. – 74 с. С. 4 – 16. (0,7 п.л.)

31. Социально-этническая структура общества // Социология: Избранные лекции. – Шадринск, 1995. – 74 с. С. 16 – 27. (0,7 п.л.)
32. Политология: Учебно-методическое пособие – Шадринск, 1998. – 13 с. (0,8 п.л.)